

ПРАВО

УДК 343.232

В статье анализируется деление составов преступлений по моменту их окончания. Автор доказывает, что это деление не следует смешивать с подразделением составов на формальные, материальные и формально-материальные, критерием которого является функциональная роль последствий в их конструкциях. По моменту окончания предлагается выделять шесть автономных видов составов, в том числе усеченные составы и составы создания опасности. Дается характеристика различных видов составов, выделяемых по моменту окончания. Так, в усеченном составе момент окончания фактически переносится законодателем на стадию приготовления или покушения. Соответственно, предложено различать составы «деяний-приготовлений» (первый подвид усеченных составов – ч. 1–3 ст. 209 УК РФ и т. д.) и составы «деяний-покушений» (второй подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 162 УК РФ и др.). В статье оцениваются и иные научные подходы к делению составов по моменту окончания; авторские рассуждения иллюстрируются примерами из УК РФ.

Ключевые слова: состав преступления; деление; момент окончания; УК РФ; классификация; последствия преступления; усеченный состав; состав создания опасности.

The article analyzes the division of corpus delicti at the moment of their completion. The author proves that this division should not be mixed up with the classification of corpus delicti for formal, material and formal-material, the criterion of which is the functional role of consequences in their structure. At the moment of their completion we offer to distinguish six autonomous types of corpus delicti, including truncated corpus delicti and elements of endangering. The article describes the characteristics of different kinds of corpus delicti. For instance, in a truncated corpus delicti, the moment of the completion is transferred by the legislator to the stage of preparation or attempt. That is why we suggest to distinguish elements of “acts-preparations” (the first subspecies of truncated corpus delicti - parts 1-3 of article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.) and elements of “acts-attempts” (the second subspecies of truncated ones - parts 1-3 of article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The article also evaluates other scientific approaches to the division of corpus delicti at the moment of their completion, the author illustrates his arguments by the examples from the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: corpus delicti; division; moment of completion; Criminal Code of the Russian Federation; classification; consequences of a crime; truncated corpus delicti; elements of endangering.

А. В. Иванчин*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова**E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru***Деление составов преступлений по моменту их окончания**

Научная статья

A. V. Ivanchin*P. G. Demidov Yaroslavl State University***The Division of Corpus Delicti at the Moment of their Completion**

Scientific article

В монографической и учебной литературе составы преступлений делят по самым различным основаниям (критериям деления). Одним из самых первых делений, разработанных как российской, так и зарубежной теорией уголовного права, является подразделение составов в зависимости от обязательности последствий на формальные и материальные (первоначально, правда, без использования терминов «формальный состав» и «материальный состав»). Об этом в России писали А. Н. Круглев-

ский [1, с. 44], Н. Д. Сергеевский (в частности, в период своей педагогической и исследовательской деятельности в Демидовском юридическом лицее [2, с. 10–15]), В. Н. Ширяев [3, с. 1110], Н. А. Неклюдов [4, с. 25], Э. Я. Немировский [5, с. 167] и др. В советское время выделение формальных и материальных составов стало общепризнанным [6, с. 38–40] и даже А. Н. Трайнин (отстаивающий тезис об отсутствии в природе беспоследственных преступлений) вынужден был

констатировать, что при обрисовке одних составов в законе последствия указаны, а при обрисовке других – нет [7, с. 153].

Рассматриваемое деление преступных деяний известно всем уголовно-правовым системам мира. Так, уголовное право США знает преступления поведения и преступления результата, а в уголовном праве Германии принято деление преступлений на беспоследственные деликты и деликты с последствиями [8, с. 191]. Как отмечает Лун Чанхай, данное деление используется и в теории уголовного права КНР [9, с. 39].

Однако анализ уголовного закона позволяет выделить не только формальные и материальные, но и еще один вид составов *в зависимости от функциональной роли последствий в их конструкции*. Известно, что рамки состава в Особенной части УК РФ следует «привязывать» к статье, неделимой на части (ст. 106 и т. п.), либо к части статьи (ч. 2 ст. 105 УК и т. п.). Именно там, на наш взгляд, указано определенное преступление [10, с. 162–164; 11, с. 730]. И это – определенное – преступление может включать его разновидности, одни из которых влекут последствия, а другие – нет. Так, в ч. 1 ст. 159 УК РФ одна разновидность состава мошенничества (хищение) описана материально, а другая (приобретение права на чужое имущество) – формально. Поэтому по существу законодательную конструкцию основного состава мошенничества можно охарактеризовать как *формально-материальную*. Таким образом, в формальном составе последствия находятся за его рамками, не играя в нем никакой роли, в материальных составах выступают обязательным признаком и, наконец, имеют факультативное значение в формально-материальных.

Следует отметить, что традиционным для теории уголовного права является выделение наряду с формальными и материальными составами усеченных составов и составов создания опасности [12, с. 71]. Иногда последние виды рассматривают в рамках первых двух. Так, А. В. Наумов классифицирует составы преступлений по конструкции объективной стороны на два вида: материальные и формальные, а усеченные составы рассматривает как разновидность последних [13, с. 320–321]. Часто различие между всеми указанными видами проводится не по роли последствий в составе, а по моменту окончания. А. П. Козлов по этому поводу справедливо отмечает, что в теории при выделении усеченных, формальных и мате-

риальных составов, в сущности, используются два основания деления (отсутствие или наличие последствия; стадия совершения преступления), что противоречит правилам формальной логики [14, с. 268].

Для доктрины, действительно, характерно смешение критериев выделения рассматриваемых составов. Объективные предпосылки для такого смешения есть, ибо *моменты окончания преступлений* с формальным или материальным составом не совпадают. «Составы преступлений различаются по их конструкции. Соответственно выделяются: материальные и нематериальные составы. Классификация составов преступлений по их конструкции служит для отражения момента окончания соответствующих деяний» [15, с. 124]. Преступление с материальным составом может быть оценено как оконченное (и соответствующее всем признакам состава, названным в Особенной части УК) с момента наступления общественно опасных последствий, находящихся в причинной связи с общественно опасным деянием. При оценке же содеянного через призму формальных составов момент окончания связывается с совершением самого деяния [16, с. 44–45]. Наконец, для выделенных выше формально-материальных составов момент окончания имеет комбинированный характер.

Что же касается усеченных составов и составов создания опасности, то, очевидно, что критерий «функциональная роль последствий в составе» не пригоден в качестве основания их выделения. Для этого *нужен более содержательный критерий*, в качестве которого и выступает *момент окончания преступления*. И, более того, использование момента окончания преступления как основания деления позволяет не только обособить указанные виды составов, но и осуществить более дробную их классификацию. И именно в рамках данного деления оправданно, по нашему мнению, выделять усеченные составы и составы создания опасности [17, с. 170].

Правда, обоснованность вычленения данных видов составов порой подвергается сомнению. «Выделение “усеченных составов”, – писал еще А. Н. Трайнин, – основано на явном недоразумении и способно вести к серьезным ошибкам судебной практики. Состав всегда един и всегда «полон» теми конкретными элементами, из которых он по закону слагается. Отсутствует один из этих элементов – нет состава; имеются все элементы – имеется всегда «весь», «полный» состав.

Половинчатого, частичного, «усеченного» состава быть не может» [18, с. 50].

Очевидно, однако, что здесь «мишенью» критики выступает терминология, а не объективно существующий в уголовном законе феномен. В усеченном составе момент окончания фактически переносится законодателем на стадию приготовления или покушения (подчеркнем – *фактически*, поскольку юридически путем такого переноса этот момент и трансформируется в «хронологическую точку» окончания преступления). Таковы, например, составы, предусмотренные ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 209 УК. Например, в реальной действительности разбой *фактически завершается* тогда, когда субъект изъял у потерпевшего имущество и получил возможность им распоряжаться. Но законодатель в ч. 1 ст. 162 УК признал его *оконченным (юридически завершенным)* уже в момент самого нападения с применением опасного насилия или угрозой его применения. В рамках же деления в зависимости от функциональной роли последствий в составе усеченный состав, как правильно отмечается в литературе, «принципиально не отличается от формального состава преступления и может трактоваться лишь как его разновидность» [19, с. 6]. Действительно, последствия не фигурируют в конструкции этого состава ни как обязательный, ни как факультативный признак.

Немало разногласий вызывает и выделение составов создания опасности (или, как их еще называют, деликтов создания опасности, составов реальной опасности). Пример такого состава дает нам ч. 1 ст. 215 УК РФ: нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики, *если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды*. Одни авторы считают их материальными, другие – формальными, третьи – особым видом составов. Думается, что добрая половина всех споров есть следствие неопределенности в критерии данного деления и понятии преступных последствий. Если за основу деления брать момент окончания преступления, то составы создания опасности, вне всякого сомнения, есть самостоятельный вид составов. Если же в качестве критерия использовать функциональную роль последствий в составе, то напрашивается иной вывод.

При этом возможно последствия в узком смысле (описанные в уголовном законе) трактовать, в свою очередь, узко, т. е. как реальный

вред. С этой позиции опасность наступления вреда нельзя признать последствием. Нам же представляется, что рассуждать нужно иначе. Возможность наступления последствий влечет, как обоснованно отмечал более полувека назад В. Н. Кудрявцев, изменения во внешнем мире [20, с. 172]. Эта возможность – *объективно существующее явление*, причиной которого является совершение деяния, т. е. это последствие данного деяния. И в этом смысле такая возможность – то же последствие преступления, при этом *предусмотренное законом*. То есть, принимая во внимание нормативную природу состава, важно подчеркнуть, что законодатель в составах создания опасности закрепляет последствие. Значит, уголовному закону известны *два типа последствий преступления – реальные* (смерть человека, тяжкие последствия и т. п.) и *возможные* (опасность наступления смерти человека или тяжких последствий и т. п.). Поскольку последствия – обязательный признак в составе создания опасности, они как бы «просматриваются» в нем» [21, с. 162], а, значит, состав последнего *исключительно в рамках классификации составов в зависимости от функциональной роли последствий в их конструкции* является материальным. В рамках же деления составов по моменту окончания – это автономный вид состава.

После изложенного понятно, почему не может быть признан логичным, на наш взгляд, критерий рассматриваемого деления, предложенный К. Т. Тедеевым: «По конструкции составов следует различать: а) материальные составы, б) формальные составы, в) усеченные составы, г) составы опасности» [22, с. 86]. В ином же месте работы критерием выделения названных видов составов автором названа «конструкция объективной стороны» [22, с. 15]. Как уже отмечалось, на *конструктивном уровне* последние два вида состава «растворяются» в понятии формальных и материальных составов, а потому основанием их выделения логичнее считать момент окончания преступления.

Вместе с тем деление составов по моменту окончания преступления не исчерпывается указанными выше видами. Так, Л. Л. Кругликов по этому основанию полагает возможным вести речь, как минимум, о шести видах состава, поскольку «в одних нормах момент окончания преступления связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия),

причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекшими преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приговорительными действиями» [23, с. 71].

По мнению А. Г. Безверхова, следует различать 1) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку наличия (отсутствия) общественно опасного последствия (составы материальные, формальные, формально-материальные и деликты реальной опасности) и 2) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку «создания условий для совершения преступления» (составы усеченные, с двойной превенцией, деликты соучастников и пр.) [24, с. 63–71].

Д. В. Решетникова предложила еще более дробное деление: «Подвижность такого объективного признака, как момент окончания позволяет говорить: 1) о материальных составах преступлений; 2) о формальных составах преступлений; 3) о составах создания реальной опасности; 4) об усеченных составах преступлений, в том числе составах «призывов» и деликтов соучастников; 5) о составах «уголовно наказуемых угроз»; 6) о составах с двойной превенцией; 7) о составах «преступной прикосновенности» (в том числе «вторичных преступлений»). Отдельно следует сказать о так называемых комплексных (комбинированных, смешанных) составах преступлений. В последнюю группу следует отнести такие конструкции, как составы формально-материальные, усеченно-формально-материальные, усеченно-формальные, создания опасности-материальные и др.» [25, с. 74–75].

Однако вызывает сомнения трактовка автором отдельных разновидностей составов. Так, к формально-материальным составам отнесены «составы преступлений, в которых не конкретизируются общественно опасные последствия преступления либо конкретизируются лишь частично. К этой группе формально-материальных составов относятся составы, где преступные последствия сформулированы законодателем с использованием оценочных категорий. Например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285, 286, 293 УК и др.)» [25, с. 105].

Очевидно, что при таком подходе состав как *законодательная* конструкция смешивается с реальной действительностью. Тот факт, что в жизни упомянутые должностные преступления могут быть совершены без причинения материального вреда, не влияет на их законодательное описание, произведенное сегодня с указанием последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов (в ст. 285 УК и др.). Это служит достаточным, на наш взгляд, основанием их причисления к составам с обязательными последствиями.

В то же время несомненным достоинством указанных подходов является стремление максимально полно определить все возможные разновидности составов преступлений в зависимости от момента их окончания. Но при этом во избежание путаницы следует крайне осторожно подходить к использованию терминологии для обозначения данных видов составов, чтобы избежать полисемии терминов «материальный состав», «формальный состав» и «формально-материальный состав». Эти составы выделяются в зависимости от функциональной роли последствий в их нормативных конструкциях, а не по моменту окончания. Следовательно, они охватывают некоторые виды составов, выделяемые в зависимости от момента окончания (составы создания опасности и т. д.). Так, в круг формальных составов в рамках первого деления входит и усеченный состав, а в рамках второго деления эти составы признаются самостоятельными видами. Поэтому при использовании момента окончания как критерия деления представляется недопустимым употребление тождественной терминологии. Иное было бы грубым нарушением правил логики и методологии научных исследований [26, с. 75].

Отталкиваясь от изложенных выше позиций, все многообразие видов составов, известных УК РФ, в зависимости от момента окончания преступления возможно разделить, по нашему мнению, на шесть нормативных построений: 1) составы с реальными последствиями (ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК и др.); 2) составы с возможными последствиями (составы создания опасности) (ч. 1 ст. 215 УК и т. п.); 3) составы завершенных деяний без последствий (ч. 1 ст. 126 УК и т. п.); 4) составы «деяний-приготовлений» (первый подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 209 и т. д.); 5) составы «деяний-покушений» (второй подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 162 УК и др.); 6) смешанные составы, объединяющие две или более разновидности составов (например, составы

завершенных деяний в комбинации с последствиями – ч. 1 ст. 159 УК и др.).

К числу смешанных относятся среди прочих и сочетания составов с реальными и возможными последствиями. Так, в ч. 1 ст. 340 УК говорится о нарушении, которое *повлекло* или *могло повлечь* причинение вреда. Основной состав умышленного причинения вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК) имеет аналогичную, как представляется, конструкцию, включая как возможные, так и реальные последствия (вред, опасный для жизни, и вред, относящийся к тяжкому по причине потери зрения, речи, слуха и наступления иных реальных последствий).

Стоит упомянуть также, что выделение составов по моменту окончания порой упирается в проблему грамматического толкования уголовного закона. «Не во всех случаях конструирования состава преступления по типу материальных определение момента признания преступного деяния окончанным является простым»; «еще больше трудностей существует при определении момента окончания преступлений, описанных в рамках формальных составов, поскольку требуется установить, что имел в виду законодатель, описывая преступное деяние с помощью отглагольных имен существительных – процесс их совершения или же его логическое завершение» [19, с. 8-9].

Ярким подтверждением справедливости приведенной цитаты являются составы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, момент окончания которых традиционно вызывает «жаркие» споры в теории и практике. В 2011 г. Пленум Верховного суда РФ, как известно, дал новое толкование статей 150 и 151 УК РФ: в соответствии с п. 42 его постановления от 01.02.2011 г. вовлечение признается окончанным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 151 УК РФ [27]. В сущности, Пленум путем указанного разъяснения превратил данные составы в составы с реальными последствиями в виде поведения несовершеннолетнего, обусловленного деянием взрослого, хотя уголовный закон позволяет интерпретировать их самым различным образом, в том числе и как усеченные (а именно «составы-покушения»), и как завершенные деяния (предполагающие сам факт согласия несовершеннолетнего совершить соответствующее преступление или антиобщественное действие).

Подводя итог, отметим важность разработки научно обоснованной классификации составов преступлений по моменту их окончания. С одной стороны, в ней нуждается законодатель, задачей которого является четкая и дифференцированная фиксация этого момента в Особенной части УК РФ. С другой стороны, ценность рассматриваемого деления не менее значима и для практиков, для которых понимание специфики квалификации преступлений, различающихся по моменту их окончания, – неперемное условие правильного применения уголовного закона.

Ссылки

1. Круглевский А. Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб., 1913. 121 с.
2. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Книга 21. Ярославль, 1880. С. 3–171.
3. Иванчин А. В. Ширяев: жизненные вехи и научное наследие // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI, № 9. С. 1104–1113.
4. Неклюдов Н. А. Уголовное право (Общая часть): конспект. СПб., 1875. 195 с.
5. Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. 312 с.
6. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. 340 с.
7. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 353 с.
8. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2008. 225 с.
9. Коробеев А. И., Чанхай Лун. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2013. 169 с.
10. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2014. 352 с.
11. Иванчин А. В. Границы состава преступления в Особенной части УК РФ // Lex Russica. 2011. № 4. С. 729–740.
12. Соловьев О. Г. Современные подходы к использованию конструкций преступлений в сфере экономической деятельности в уголовном праве России // Вестник Ярославского государ-

ственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 71–74.

13. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2010. Т. 1: Общая часть. 781 с.

14. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. 468 с.

15. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013. 624 с.

16. Благов Е. В. Основной курс уголовного права. М., 2017. 360 с.

17. Иванчин А. В. Формирование теории конструирования состава преступления (эссе по случаю Юбилея Учителя) // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 168–179.

18. Трайнин А. Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. 451 с.

19. Генчов Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 3–12.

20. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 247 с.

21. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014. 672 с.

22. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 178 с.

23. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 321 с.

24. Безверхов А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) // Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти, 2011. Ч. 2. С. 63–71.

25. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 223 с.

26. Абачиев С. К. Формальная логика с элементами теории познания. Ростов н/Д, 2012. 220 с.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».